

Наталья М. Долгорукова

Тристан и Изольда у славян:

«ПОВЕСТЬ О ТРЫЩАНЕ»¹

Natalia M. Dolgorukova

Tristan and Isolde in the Slavic literature: *The Legend of Tryshchan*²

Наталья Михайловна Долгорукова
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент;
кандидат филологических наук, PhD)
natalia.dolgoroukova@gmail.com.

Natalia M. Dolgorukova (PhD; Associate Professor,
HSE University) natalia.dolgoroukova@gmail.com.

Ключевые слова: Тристан, восточнославянская литература, бретонский цикл, *Повесть о Трыщане*

Key words: Tristan, East Slavic literature, Breton cycle, *The legend of Tryshchan*

УДК: 821.16

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_152

UDC: 821.16

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_152

Статья посвящена единственному памятнику восточнославянской литературы, основанному на так называемом бретонском материале, — «Повести о Трыщане». Текст рассматривается автором статьи в историко-литературном ключе в качестве примера рецепции романов бретонского цикла у славян. В центре внимания оказывается средневековый сюжет о двух влюбленных, который преодолевает временные и культурные границы, становясь своего рода литературной апроприацией «чужого» французского мифа.

The article is devoted to the only monument of East Slavic literature based on the so-called Breton material, the Legend of Tryshchan. The text is analyzed by the author of the article in a historical and literary way as an example of the reception of Arthurian novels. In the center of attention is the story about two lovers, which overcomes temporal and cultural boundaries and becomes a sort of literary appropriation of the “foreign” French myth.

Тристан и Изольда у славян: «Повесть о Трыщане»

Белорусская «Повесть о Тристане», или, как в оригинале, «Трыщане», дошла до нас в одном позднем манускрипте 80-х годов XVI века (рукопись под номером 94 хранится в Публичной библиотеке имени Э. Рачинского в Познани). «Повесть о Трыщане» является единственным памятником восточнославянской литературы, основанным на так называемом бретонском материале. Рукопись под номером 94 открывается «Повестью о Трыщане» (первые 64 листа); далее следует переводная «Повесть о Бове» (л. 65—86); «История об Аттиле, короле Угорском» (л. 87—112 об.); «Летописец Великого княжества Литовского и Жомойтского» (л. 113—146); наконец, «ряд сделанных другими руками записей разнообразного содержания (два акта, заметка об унии 1569 года, родословная Трызны), завершаемых фамильными заметками Унеховских, земле-

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

2 This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

владельцев Новогрудского воеводства, которым несколько десятилетий принадлежала рукопись» [Судник 1976: 698].

«Повесть о Трыщане» может быть рассмотрена в историко-литературном ключе в качестве примера рецепции романов бретонского цикла у славян и, шире, как пример преодоления средневековым сюжетом о двух влюбленных временных и культурных границ, своего рода литературной апроприации «чужого» французского мифа («воздействующая» культура) в Белоруссии (культура «принимающая»). Такое «семантическое присвоение глубинным образом изменяет объект, переходящий из одной системы в другую» [Дмитриева 2018: 16].

Таким образом, целью статьи и является анализ этих изменений, касающийся, с одной стороны, «интерпретации чужого объекта, его интеграции в иную референциальную систему, которая прежде всего есть система лингвистическая» [Эспань 2018: 60]. С другой же стороны, нельзя забывать (на что обращает особое внимание создатель теории культурного трансфера Мишель Эспань³), что «герменевтический процесс при перекодировке далеко не всегда являет собой первичное присвоение чужого объекта... происходит своего рода реактуализация смысла» [Там же: 61].

Рукопись с «Повестью о Трыщане» была обнаружена в XIX веке [Бодянский 1846], а в 1886 году она была впервые описана А. Брюкнером [Brückner 1886]. Т.М. Судник справедливо отмечает, что Познанский сборник является «одним из самых ценных памятников по истории белорусского языка» [Судник 1976: 700] и, в частности, живой белорусской речи конца XVI века, не отягощенной архаизмами и церковнославянизмами.

У нас нет основания сомневаться в достоверности указания, сделанного в самом начале «Повести о Трыщане»: «Починается повесть о витезях с книг сэрбских...»⁴ Слова повести подтверждают и наблюдения над языком, сделанные Брюкнером, в частности обнаруженные им лексические сербизмы [Там же: 700—701]. Хотя «сербские книги» до нас не дошли, А.Н. Веселовский, осуществивший в XIX веке публикацию трех упомянутых нами выше повестей Познаньского кодекса [Веселовский 1888: 1—127], сделал «предположительные выводы о характере искомого сербского текста. Последний, по всей вероятности, не был точным переводом итальянского оригинала, но содержал элементы самостоятельной переделки, выразившейся в сокращении и изменении заключительной части» [Судник 1976: 701], которая стала не похожа ни на итальянскую, ни на французскую прозаические версии и о которой А.Н. Веселовский отзывался следующим образом:

Русская повесть значительно отличается от того, и другого, представляя новые подробности, изменяя обычную катастрофу и производя впечатление чего-то скомканного, сокращенного второпях или по незнанию. Едва ли подобное изложение принадлежало искомому итальянскому роману; выбор остается между сербским переводчиком-пересказчиком и его белорусским собратом. Последний мог сократить и изменить в указанном смысле сербский подлинник, но мог и сохранить изменения, уже совершившиеся в последнем [Веселовский 1888: 136].

3 Не случайно Мишель Эспань утверждает, что «исследовательская работа в области культурного трансфера не носит синхронический характер, она лишь представляет собой попытку понять сам процесс усвоения чужого» [Эспань 2018: 68].

4 Повесть о Трыщане / Подгот. текста Т.М. Судника // Легенда о Тристане и Изольде / Сост. А.Д. Михайлов. М.: Наука, 1976. С. 384.

«Повесть о Трыщане» пользовалась популярностью у средневековых славянских читателей. Как отмечает Л. Муир,

записи о детях, которым давались имена Тристан и Изольда как на Далматинском побережье, так и на Далматинских островах и присутствие в сербских средневековых сказках приключений и мотивов, сходных с теми, что мы встречаем в истории о Тристане, доказывают, что роман был широко известен в этой части Балкан [Muir 1979: 217].

Рассмотрим несколько значимых эпизодов легенды на предмет их обработки в белорусской и французской версиях, тем более, что, как утверждает уже цитированный нами Муир,

детальное сравнение сербского, итальянского и французского текстов обнаруживает целые фразы, включающие имена собственные, название мест, явно заимствованные из французской версии, а не из итальянских переводов, таким образом делая довольно правдоподобной гипотезу о прямом заимствовании из французского источника [Ibid.: 219].

Вот, например, как описывается выбор невесты королем Марком.

<p>Король рек: «Уже яко бых ю мел в мене, я тебе повем тую, которую бых мети хотел. Ты ведаш, што ми еси поведаль одну панну и фалил еси ее, што-ж ее красе нет ровни на свете — тая ми нехай будет жона, и иная жадная не будет, а то ест королевна орленьдэйская красная Ижота. И не мешкай, принеси ми ю, а озми, што тебе будет потребна, як дворан много и всего, што вам надобеть». Коли Трыщан тое слышал, познал, што его дядко ненавидит и шлет его на смерть ув-Орьлендэю. И ачъколвек ма быти з его недобрим, однако-ж на то призволил, яко ся ему обещал. И рек король: «Милый мой сестренъче, обещаи ми ся пополнити с правого сердца». И рек Трыщан: «Пане, хотя ми умерети, // а ты ее будешь мети». И король ему подяковал и рек: «Будьте готовы и справтесе порадне, як бы есте тую реч повели почестне; але мое сердце не отпочинеть, докуль ся ты не вернеш, а Ижота будеть у моем дому»⁵.</p>	<p>Et li rois li dit: «Granz merciz. Assez en avez dit. Je m'en tieg bien por paié. Or vos en dirai je donc qui est cele que je demant. Vos savez bien, et vos meïsmes le m'avez conseillié et dit aucune foiz, que se je moillier preïsse, preïsse la tele que je me poïsse deduire et esbatre en sa biauté. Et de biauté n'en avez vos nule loee que une sole feme; mes cele m'avez vos loee a estre bele sor totes les femes dou monde. Cele vel je, et cele avrai, se nule en ai. Et savez vos qui ele est? C'est Yselt le Bloe, la fille au roi d'Irlande. Cele convient il que vos m'ame-noiz, et cele aim je sor totes les autres dames et sor totes les autres demoiseles d'ou je oïsse onques parler. Or tost metez vos a la voie, et en menez de mon ostel tele compaignie com vos vodrez; et gardez que n'aiez repos devant que je l'aie en ma saisine ensi com vos le m'avez promis».</p> <p>Quant Tristan entent ceste parole, tout maintenant li chiet ou cuer que li rois, ses oncles, le mande plus en Illande por morir que por autre chose. Coment qu'il li</p>
--	---

5 Повесть о Трыщане... С. 421. «Король сказал: “Уже как имел бы ее у меня, я тебе расскажу о той, которую хотел бы иметь. Ты знаешь, что ты мне рассказал про одну госпожу и похвалил ее, что ее красоте нет равных в мире, — та пусть будет моей женой, и никакая другая, а это есть королева ирландская прекрасная Изольда. И не мешкай, привези мне ее, а возьми, что тебе будет нужно, столько много придворных и всего,

en doie avenir, il li otroie ceste chose ensi com il li avoit promis. Et li rois dit por plus covrir la chose: «Tristanz, biaux niés, le me volez vos faire de bon cuer?» «Sire, fait il, sachiez que je voudroie mieuz morir que vos ne l'eüssiez». «Biaux niés, granz merciz, dit li rois. Or vos apareillez, et prenez de mon ostel tel compaignie com vos plera; et gardez que ceste chose soit menee a fin, car je ne serai jamés aese devant que vos soiez retournez, et que je voie Yselt la Bloe en mon ostel»⁶.

Итак, очевидно, что белорусский текст более краток и опускает некоторые детали. Так, мы можем отметить, что французский Тристан сразу понимает, что Марк отправляет его на верную гибель. Белорусский Трыщан не такой проницательный: ему потребуются разъяснения Говорнара (Горвенала). Зато он умеет говорить стихами: «Пане, хотя ми умерети, // а ты ее будешь мети». Заметим также, что «белокурая» Изольда превращается в «красную» Ижоту, традиционный эпитет в славянских странах, обозначающий красоту девушки (ср. «красна девица» в русских сказках). Единожды в повести девушка названа «руса Ижота»⁷: как видим, белорусский или сербский переводчик ни при каких условиях не хотел сохранить Изольде ее белокурые локоны.

что нужно будет». Когда Тристан это услышал, понял, что его дядя ненавидит и посылает на смерть в Ирландию. И как бы ни должен быть с ним недобрым, однако же на это согласился, как ему пообещал. И сказал король: «Милый сын мой, пообещай мне исполнить это от чистого сердца». И сказал Тристан: «Господин, хоть мне умереть, но она у тебя будет». И король его поблагодарил и сказал: «Будьте готовы и справьтесь по совести, как если бы это дело повели по-честному; сердце мое не отдохнет, пока ты не вернешься, а Изольда не будет у меня дома»» (Здесь и далее перевод наш. — *Н.Д.*).

- 6 Le roman de Tristan en prose / Éd. R. Curtis. T. I. München: Hueber, 1963. P. 197—198. «И сказал ему король: “Большое спасибо. Мы сказали достаточно. И я отплачу сторицей. Теперь я расскажу вам, о чем Вас прошу. Вы прекрасно знаете, и сами мне то советовали, и говорили о том однажды, что коли нужно мне жениться, чтобы на той женился я, которая бы доставляла мне удовольствие и радовала бы своею красотой. И хвалили вы красоту лишь одной женщины, и хвалили, ибо красотой превосходит она всех других женщин на земле. Ее-то я и хочу и ее-то я и заполучу. И знаете ли вы, кто она? Это Изольда Белокурая, дочь короля Ирландии. Мне будет угодно, если вы привезете ее ко мне, и буду любить я ее сильнее всех других дам и девиц, о которых когда-либо говорил. Итак, отправляйтесь же в путь, возьмите в сопровождение себе столько моих людей, сколько считаете нужным. И знайте, что не будет мне покоя, пока не будет у меня той, которую вы обещали мне”. Услышал Тристан эти слова и быстро понял, что король, дядя его, отправляет его в Ирландию на верную смерть. И так оно и должно случиться было, ибо обещал Тристан королю выполнить просьбу ту. И еще говорит король, чтобы внести полную ясность: “Тристан, прекрасный племянник, от чистого ли сердца хотите Вы выполнить просьбу мою?” “Господин, — отвечает Тристан, — знайте, что я лучше умру, чем не выполню просьбу Вашу”. “Благодарю Вас, прекрасный племянник, — сказал король”. “Собирайтесь в путь, возьмите в сопровождение себе столько моих людей, сколько считаете нужным, но доведите дело до конца, ибо не будет мне покоя, пока не вернетесь вы и пока не увижу я Изольду Белокурую в своем доме”».

- 7 Повесть о Трыщане... С. 452.

А вот сцена, в которой Тристан просит Изольду для своего дяди:

Я прошу твое дочки Ижоты моему дядку королю Марку⁸.

Sire, fait Tristanz, granz merciz. Or vos demant je donc Yselt, vostre fille; et sachiez que je ne la demant pas por moi, mes por le roi Marc, mon oncle, qui la veust coroner dou reyaume de Cornoaille. Et sachez que por autre chose ne nos partimes nos de Cornoaille entre nos qui ci somes, ne ne venimes en Yrlande fors solement por avoir Yselt la Bloe; si nos avint si bien, la Dieu merci, que nos vos trovemes en tel point com vos savez, d'ou nos disons que nos avons Yselt deservie⁹.

После этой просьбы — краткой в устах Трыщана и более развернутой в устах Тристана — отец Изольды, король Ирландии, видит сон. Повесть лишь упоминает об этом сне, роман же этому «чуду» уделяет довольно много места:

...а король мало спал; и назавтре король позвал одного мудрого человека и поведал ему свой сон, што видел. Он рек: «Пане, я бых вам радил, не дай ты дочки своее Трыщану, бо коли она пойдеть в Корновало, мусить мети велми нужные речы, чого ни одна девка не мела». Король рек: «Того не могу вчинити, я ее дал за такового витезя, який ест Трыщан, который так много вчинил для мене; коли бых ее не дал, то бых был зрадца, бо есмо умовил с ним и кдгы-м его ся не годит для нее втратити честь. Нехай ся станеть воля божя, не могу ее не дати»¹⁰.

...quant li rois Anguins gisoit avec la roïne, et il se dormoit, il li avint une avision mout merveilleuse, car il li fu avis qu'il veoit sa fille Yselt en une sale ou il avoit si grant peple que ce estoit merveille. Et toz li pueple en faisoit joie et feste grant, et li asseoient une corone d'or en sa teste, et puis li baisoient ses piez en senefiance de subjection. La ou ele estoit en cele joie et en cele feste que toz li pueples l'auroit, atant ez vos de l'autre part Tristan venir, mat et pensif et correlié par semblant trop durement. Et la ou il voit Yselt, il s'en vet cele part grant erre, et li oste la corone de la teste, et la flatissoit encontre terre si fele

- 8 Там же. С. 429. «Прошу я дочку твою Изольду для дяди моего, короля Марка».
- 9 Le roman de Tristan en prose. Т. I. Р. 216. «Господин, — промолвил Тристан, — большое спасибо. Итак, я прошу у Вас Изольду, дочь вашу, и знайте, что прошу я ее не для себя, но для короля Марка, моего дяди, который хочет ее короновать короной Корнуэльса. И знайте, что не ради чего другого покинули мы Корнуэльс и что в Ирландию прибыли мы только за тем, чтобы получить Изольду Белокурую, итак, мы здесь, ибо то было угодно Господу и мы готовы служить Изольде верой и правдой».
- 10 Повесть о Трыщане... С. 430. «...а король мало спал, и назавтра позвал он одного мудрого человека и рассказал ему свой сон, что видел. Он сказал: “Господин, я бы вам советовал не отдавать своей дочку Тристану, потому что когда она пойдет в Корнуэльс, должна иметь очень нужные вещи, чего ни одна девка не имела”. Король сказал: “Этого не могу сделать, я отдам ее за такого сеньора, как Тристан, который так много сделал для меня; если не отдам ее ему, буду предателем, потому что договорился с ним и когда-то его потребовал на мою большую нужду; дочку я очень люблю, но мне не годится для нее утратить честь. Пусть же исполнится воля Божья, не могу ее не дать”».

nessement qu'il la despeçoit en plus de cent pieces. Et puis prenoit Yselt et la despoilloit tote nue dusqu'a la chemise, et la menoit fors dou palés. Et toz li pueples crioit après li: «Veez la deleauté Tristan! Veez la deleauté Tristan!» Et il ne respoit onques, enz en menoit totevoies Yselt, tant dolente que nus ne la veïst qui ne deïst: «Diex, quel domaige d'Yselt!» Et li rois Mars meïsmes en apele Tristan, son neveu, traïtor et desleal.

Li rois Anguins, qui tot ce vit en son songe, est tant dolenz et tant a malaise en son dormant qu'il s'en esveille. Et quant il est esveilliez, il dit a soi meesmes: «Ha! Diex, tant est ceste avision anieuse et plaine de grant senefiance.» Li rois mist si ceste chose a son cuer que de tote la nuit ne dormi puis, enz pensa puis dusqu'au jor a l'avision. A l'endemain la conta a un preudome, et li pria qu'il li en deïst la droete senefiance, s'il li savoit dire. Cil respont adonc et dit: «Rois, qu'en diroies tu? Saches que ta fille est honie se tu la bailles a Tristan. Onques nule gentil demoisele n'ot tant de poine ne de travail come ele avra, se Tristanz l'en moine en Cornoaille. [...] il avendra tot ensi com je le te promet.» Li rois respont et dit: «Et de ce que porroie je faire? Je l'ai otroiee a Tristan, si est mestiers qu'il l'en moint, car je ne me porroie de cesti don retrere que je ne feïsse deleauté. Je aim mout ma fille, et mout la doi amer, mes je ne la doi pas tant amer que je face deleauté pot li, et meesmement contre si bon chevalier com est Tristanz, qui tant a fait por moi com vos savez. Or voïst dou tout a la volenté Nostre Seignor, que ja par mon chief ne corrocerei Tristan del don que je li ai fait»¹¹.

11 Le roman de Tristan en prose. T. I. P. 217—218. «Когда король Ангуэн возлег со своей женой, то быстро заснул и увидел такой чудесный сон... Видел он дочь свою Изольду в большом зале, а в зале том было удивительно много народа. И люди все веселились, ибо был большой праздник; на голове Изольды сияла золотая корона и все эти люди целовали ей ноги в знак подчинения. И вот Изольда и все люди были там в такой большой радости, и с другой стороны пришел Тристан, очень печальный, удрученный и задумчивый. И когда увидел он Изольду, устремился к ней и сорвал

Итак, белорусская повесть опять сокращает детали, полностью опускает сон, который, как видим, довольно красноречиво предсказывает будущее любовников. По сути, «один мудрый человек» белорусской повести даже и не толкует сон, но вместо этого дает совет отцу Изольды не отдавать дочь Тристану, добавляя повести дидактическую ноту, отсутствующую во французском тексте.

Волшебный напиток для Изольды и Марка, который королева вручает Бранжье и Горвеналу¹², в белорусской версии теряет свой волшебный характер и назван просто «пивом»¹³ и «любовным пивом»¹⁴.

В знаменитой сцене на корабле белорусская повесть дает слова самим влюбленным, опьяненным зельем и друг другом, тогда как французский роман передает их мысли от третьего лица:

Рек Трыщан: «Если я милую Ижоту, то не дивно: она ест намильшая реч на свете, лепшое бых не мог найти, и есми ее вымел и мне ест дана, а милость наша скрыта може быти». А Ижота мыслила: «Если я милую Трыщана, то не дивно: он ест моя ровня и так высокого роду, як и я, и витезя большего на свете нет»¹⁵.

Se Tristanz aime Yselt, de ce li poise noiant ne peser ne li doit, ce li est avis, car ele est tant bele et tant avenanz de totes choses que il conoist bien qu'il ne porroit metre son cuer en plus bele riens ne en plus vaillant. Se Ysely aime Tristan, ele en est liee et joieuse, et bien li semble qu'ele ne porroit mieuz metre son cuer en nule maniere, car c'est li plus biax chevaliers dou monde et li miaudres, ce li est avis. Il

с головы ее корону, и ударил ею о землю, и раскололась она более чем на сто частей. А потом схватил Изольду, раздел ее до нательной рубашки и вывел из дворца. И все люди стали кричать: «Посмотрите на бесчестного Тристана! Посмотрите на бесчестного Тристана!» А он, никому не отвечая, уводил Изольду, и так она была печальна, что каждый, кто видел ее, восклицал: «Господи, бедная Изольда!» И сам король Марк звал Тристана, племянника своего, бесчестным предателем. Король Ангуэн так опечалился и почувствовал такую боль, что проснулся. И, проснувшись, сказал себе: «Боже мой, какой это тревожный сон и какой смысл в нем сокрыт!» Король так задумался о своем сне, что в ту ночь больше не мог и глаз сомкнуть и до рассвета думал, что значит сей сон. А наутро король рассказал свой сон одному знающему человеку и попросил, чтобы тот истолковал сон королю, если знает, что он означает. И отвечал человек тот: «Король, что я могу тебе сказать? Знай, что дочь твоя потеряет честь и ты отдашь ее Тристану. И ни одна почтенная девица не испытает столько страданий и мук, сколько испытает Изольда, если Тристан увезет ее в Корнуэльс. Однако случится все именно так, я тебе это обещаю». Король отвечает и говорит: «И что же я могу сделать? Я отдам ее Тристану, если необходимо, чтобы он забрал ее, поскольку если я воздержусь от этого дара, меня сочтут бесчестным. Я очень сильно люблю мою дочь и очень сильно должен ее любить, но я не должен из-за этой любви поступить бесчестно, особенно если речь идет о таком рыцаре, как Тристан, который столько сделал для меня, как Вы сами знаете. Так что положусь на милость Господа Нашего и не посмею недостойно обойтись с Тристаном, отказав ему в обещанном даре».

12 «un boivre mout merueilleus» (Ibid. P. 218).

13 Повесть о Трыщане... С. 430.

14 Там же. С. 431.

15 Там же. С. 430—431. «Сказал Тристан: «Если я люблю Изольду, то это не удивительно: она самая прекрасная девушка на свете, лучше ее не найти, я ее увез и мне она отдана, а любовь наша может быть скрыта». И Изольда думала: «Если я люблю Тристана, то не удивительно: он мне ровня и такого высокого рода, как и я, и более знатного сеньора нет в мире»».

est tres biax et ele est tres bele; il est gentils hons et ele est de haut linaige; bien se doevent acorder ensemble, et par linaige¹⁶.

Описание любовной сцены между Тристаном и Изольдой также несколько отличается: если повесть показывает взаимное влечение влюбленных, то роман скорее отдает ведущую роль Тристану. Однако и там и там сцена заканчивается печальным предсказанием будущей жизни любовников:

Видечы то, иж ест Ижота с ним одное мысли, не откладаючи далее того, шли в у комору и спольнили свою волю; оттоле на веки не отменилася их милость и от тое милости мели великие¹⁷.

Puis que Tristanz conoist que Yselt s'acorde a sa volenté, il n'i a nul destorbement, car il sont en chambre sol a seul, qu'il n'ont garde de sorvenue ne paor d'un ne d'autre. Il fait de li ce que il veust et li tost le non de pucele. En tel guise com je vos devis cheï Tristanz es amors Yselt que onques puis n'en pot partir son cuer, n'autre n'ama n'autre ne conut. Et de cele amor qu'il prist ensi par le boire amorous ot il puis poine et travail si grant que avant ne après ne fu chevaliers tant traveillez por amors com il fu¹⁸.

Белорусская повесть не скупится на сравнения и эпитеты. Так, Ижота, наблюдающая за битвой Трыщана и Галиотом, сравнивается с попугаем¹⁹ — сравнение, отсутствующее во французской версии:

- 16 Le roman de Tristan en prose / Éd. R. Curtis. T. 2, Leiden, Brill, 1976. P. 66. «Если Тристан любит Изольду, это, как ему кажется, его не тяготит и не должно тяготить, ведь она так красива и милее всего на свете, с чем он только встречался, — так что не существует ничего более прекрасного и совершенного, чему он мог бы отдать свое сердце. Если Изольда любит Тристана, она испытывает от этого счастье и радость, ибо сердце ее не могло выбрать более прекрасного и лучшего в мире рыцаря, как ей кажется. Он очень красив, и она очень красива, он благородного происхождения, и она королевская дочь, в этом они равны друг другу».
- 17 Повесть о Трыщане... С. 431. «Увидев, что Изольда с ним одной мысли, не откладывая дальше этого, пошли они в комнату и исполнили свою волю; оттого на века не отменилась их любовь и от этой любви претерпели они муки».
- 18 Le roman de Tristan en prose. Т. II. P. 67. «Тристан, поняв, что Изольда подчиняется его воле и что ничто не мешает им, потому что они одни в комнате, и никто за ними не следит, и нечего им бояться. Он делает с ней то, что хочет, и вот она уже больше не девушка. Тристан любит Изольду так, как не полюбит больше ни одну девушку. И любовь эта охватила его из-за любовного напитка, и столько мук и страданий претерпит он из-за нее, сколько ни один рыцарь ни до ни после него не испытывал из-за любви».
- 19 Сравнение с попугаем кажется довольно странным. З. Кишел предлагает следующее решение, которое, правда, не до конца объясняет ее переводческий выбор: «*Papuha* в исходном тексте, слово, которое, возможно, было принято за слово *Papuhai*, в данном контексте не имеет особого смысла. Сравнение явным образом подчеркивает либо что-то белого цвета или бледную тень, что-то призрачно пугающее. В старобелорусском языке есть глагол “пугать” и производный от него глагол “попугать” — возможно, именно поэтому что-то призрачное и пугающее стало “попугаем”» [Kirel 1988: 148].

...коли Галиот бил Трыщана, тогда он на коленах падал, а Ижота прыймала ударцы в сэрце свое и была бледа, як папуга, а коли Трыщан Галиота бил и поле ему брал, а Ижота была велми весела и румяна²⁰.

A sa color apert bien qu'ele l'aime vraiment, car quant Tristanz est au desoz, lor la perte le tote, et devient si pale et si negre qu'ele ne compere pas moins la bataille que font cil qui les cos endurent²¹.

Как отмечает Муир,

главы 1—30, включая главу 26, содержат вариацию на тему традиционной встречи влюбленных в саду и Марка, подглядывающего за ними и замеченного из-за его тени. Последние восемь глав следуют за неизвестным нам источником, включающим тем не менее множество известных тем и мотивов [Muir 1979: 218].

Об этом «неизвестном источнике» А.Н. Веселовский писал следующее:

Разбирая состав русской повести, мы заметили ее двойственность: первые $\frac{3}{4}$ ее содержания представились нам довольно близким переводом какого-то, вероятно итальянского, романа; последняя по отношению ко всему плану не уследима ни в одном из известных западных оригиналов и особенно к концу обнаруживает приемы спешного, сокращающего пересказа [Веселовский 1888: 224].

Поэтому Веселовский считает возможным допустить, что эти изменения уже были сделаны в сербской версии, которая, напомним, до нас не дошла.

Мы же не можем согласиться с мнением Муир, в соответствии с которым «сербско-русский текст не только не зависит от какого бы то ни было дошедшего до нас итальянского посредника, но прямо восходит к французскому оригиналу» [Muir 1979: 224]. О том, что переводчик имел дело с итальянским романом, говорят хотя бы имена собственные (так, Бранжьена и в итальянской, и в белорусской версии названа Брангиней; славянская версия имени рыцаря Либруна явно получилось из итальянской клички этого рыцаря *Sigurans li Bru-no*), и допущенные переводчиком ошибки в некоторых именах собственных. Так, в белорусской версии фигурирует отсутствующий во французском романе Кушын, узнавший в Трыщане убийцу дяди Ижоты короля Амурата — А.Н. Веселовский предположил, что это имя не что иное, как итальянское *cugino*, «кузен», ошибочно понятое переводчиком как имя собственное [Веселовский 1888: 162].

Однако «Повесть о Трыщане» полностью не сводима ни к итальянским, ни к французским источникам легенды. Некоторые эпизоды присутствуют только в ней. Так, ни в итальянских, ни во французских версиях не рассказывается про замок, хозяйка которого оскопляет всех приезжающих к ней рыцарей²²; про рыцаря, убивающего всех своих гостей и забирающего их корабли²³;

20 Повесть о Трыщане... С. 441. «...когда Галиот бил Тристана, тогда он падал на колени, а Изольда принимала удары своим сердцем и была бледная, как попугай, а когда Тристан бил Галиота и одерживал победу над ним, Изольда была очень веселая и румяная».

21 *Le roman de Tristan en prose*. Т. II. Р. 88. «По цвету (ее лица) видно, что она его по-настоящему любит, поскольку, когда Тристан падал, она голову теряла и так бледнела лицом и чернела, так что не меньше страдала от битвы, чем те, кто в ней терпели удары».

22 Повесть о Трыщане... С. 457.

23 Там же. С. 458.

про злого язычника Смердодуга, в котором А.Н. Веселовский предложил видеть коварного пирата Свердодукса дубровицких преданий [Там же: 228].

Некоторые эпизоды славянской повести кажутся более логичными, чем во французском оригинале. Так, у белорусской Ижоты

появляется желание известить свою верную служанку не после первой брачной ночи (ибо тогда у нее нет оснований не доверять Бранжъене), а спустя какое-то время, после рассказа Марка о его многозначительном сне, то есть тогда, когда из этого рассказа она может заключить, что обманутый король узнал правду. Здесь психология героев более тонкая, чего не было во французском прозаическом романе. В итальянской версии (по изданию Полидори) нет рассказа о вещем сне; подозрения у Изотты возникают из-за того, что ее служанка слишком часто беседует с Марком, расспрашивающем ее о нравах и обычаях Ирландии [Судник 1976: 726].

Что касается финала белорусской повести, то он, в отличие от итальянских и французских версий, остается открытым, лишен легендарного трагизма, но больше соответствует логике повествования: Марк («Марко») еще в начале истории проигрывает Ижоту в споре с Паламиджаном, поэтому тот факт, что он отпускает жену к раненному племяннику, который к тому же не женится на Ижоте с белыми руками, выглядит вполне естественно и даже трогательно. Красная Ижота пишет Трыщану письмо, в котором говорит: «Пане, як рыба без воды не може быти жыва, так я без тебе не могу жыва быти»²⁴. Трыщан, страдающий от ран и от отсутствия Ижоты, просит Марко отправить ее к нему, что король и делает: «Корол Марко отпустил Ижоту вдячне, и она пошла велми з веселым сердцэм, а прышодшы почала яго лечыти, што могучы. И не вем, если с тых ран выздоровел або так вмер. Потуль о нем написано»²⁵.

Фрагменты данного исследования публиковались ранее на французском языке: Dolgorukova N. Pour une réception de la matière bretonne slave: le Tristan biélorusse // La matière arthurienne tardive en Europe, 1270—1530 / Éd. par C. Ferlampin-Acher. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2020. P. 1167—1174.

Библиография / References

[Бодянский 1846] — *Бодянский О.М.* О поисках моих в Познанской публичной библиотеке // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская тип., 1846. С. 3—32.

(Bodianskiy O.M. O poiskakh moikh v Poznanskoj publichnoy biblioteke // Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete. Moscow, 1846. P. 3—32.)

[Веселовский 1888] — *Веселовский А.Н.* Белорусские повести о Тристане, Бове и Аттиле

24 Там же. С. 474.

25 Там же. «Король Марк отпустил Изольду с благодарностью, и она пошла с очень веселым сердцем, а пришедши начала его лечить, чем могла. И не знаю, если от этих ран выздоровел он или умер. Так о нем написано».

- в Познанской рукописи конца XVI в. // Из истории романа и повести. Сборник Общества русского языка и словесности, Т. 3. Вып. II, Славяно-романский отдел. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1888. С. 1—228.
- (Veselovskiy A.N. Belorusskie povesti o Tristane, Bove i Attilie v Poznanskoj rukopisi kontsa XVI v. // Iz istorii romana i povesti. Sbornik Obshchestva russkogo yazyka i slovesnosti. Vol. 3. Iss. II, Slavyano-romanskiy otdel. Saint Petersburg, 1888. P. 1—228.)
- [Дмитриева 2018] — Дмитриева Е.Е. Застывшая жизнь в янтаре: заметки о научной биографии Мишеля Эспаня // Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с фр. Е.Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7—32.
- (Dmitrieva E.E. Zastyvshaya zhizn' v yantare: zametki o nauchnoy biografii Mishelya Espanya // Espan' M. Istoriya tsivilizatsiy kak kul'turnyy transfer. Moscow, 2018. P. 7—32.)
- [Судник 1976] — Судник Т.М. Повесть о Трыщане в Познанском сборнике XVI в. // Легенда о Тристане и Изольде / Сост. А.Д. Михайлов. М.: Наука, 1976. С. 698—726.
- (Sudnik T.M. Povest' o Tryshchane v Poznanskom sbornike XVI v. // Legenda o Tristane i Izol'de / Comp. by A.D. Mikhaylov. Moscow, 1976. P. 698—726.)
- [Эспань 2018] — Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с фр. Е.Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- (Espagne M. L'histoire de l'art comme transfert culturel. Moscow, 2018. — In Russ.)
- [Brükner 1886] — Brükner A. Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräfllich-Raczyński'schen Bibliothek in Posen // Archiv für slavische Philologie, Berlin: Weidmann, 1886. P. 345—391.
- [Kipel 1988] — Kipel Z. The Byelorussian Tristan. New York; London: Garland Publishing, 1988.
- [Muir 1979] — Muir L. The Serbo-Russian Tristan and the French Prose Tristan // Bulletin bibliographique de la Société internationale arthurienne = The Bibliographical Bulletin of the International Arthurian Society. Vol. 31, Paris: Romania, 1979. P. 217—224.